

Пророческие Мотивы В Стихотворении Н.Гумилёва «Заблудившийся
Трамвай»

Харисова З.Д.,
УзГУМЯ

г.Ташкент, Узбекистан.

Received 22nd February 2020, Accepted 12th March 2021, Online 16th April 2021

Abstract: «Заблудившийся трамвай» из последнего сборника Н. Гумилёва «Огненный столп» – одно из самых загадочных стихотворений поэта – неоднократно исследовался в литературоведении. В лирике, в стихотворении (в отличие от эпических и драматических жанров) сюжетобразующей единицей является не событие, а переживание, чувство, эмоция. Кроме того, стихотворение по своей жанровой сути метафорично, а метафора всегда тяготеет к символу, глубина значений которого неисчерпаема, она уходит в бесконечность

Introduction

По сути пророческое стихотворение «Заблудившийся трамвай», написанное Н.Гумилевым в 1919 году и вошедшее в его поэтический сборник «Огненный столп» сам автор определил как магическое. Странность подобного определения обусловлена особенностью характера Гумилева, его потребностью опасности, осознанной особой любви этого состояния. Поэтому поэт в этом стихотворении уходит в особенный мир собственной личности — в путешествие в себя с желанием познать себя в качестве "другого". Так личная черта характера автора получает особое воплощение в характере лирического героя и тяготеет к автобиографическому началу.

Кажется весьма удивительным, но название стихотворения “Заблудившийся трамвай” звучит как метафора, так как трамвай не может заблудиться, он едет по рельсам, то есть по проложенному пути. Заблудившийся трамвай оказывается своего рода мистической машиной времени. Трамвай легко отрывается от петербургских реалий (от Невы) и уносит героя через три моста в ирреальный мир, где легко узнаваемая «Зеленная» превращается в эшафот. Далее – космическое пространство, где «люди и тени стоят у входа в зоологический сад планет».

Хронотоп «Заблудившегося трамвая» поистине провидческий и обращен в прошлое, которое раскрывается в тексте через цветные, выпуклые воспоминания.

Стихотворение Гумилева состоит из 15 строф. В первой строфе идет образ лютни, как и волшебная скрипка – у Гумилёва всегда устойчивый символ миссии поэта (как лира в поэзии Пушкина) и тут же вороний грай - очевидно: смерть, гибель, плохое предзнаменование.

Шел я по улице незнакомой

И вдруг услышал вороний грай

И звоны лютни, и дальние громы,

Передо мною летел трамвай

В первой строке герой оказывается в месте, которое ему суждено познать. В сознании героя

переплетаются чувства тревожности, опасности и неизвестности, которые манят как бездна.

Полифония (вороний гай, звоны лютни, дальние громы) врзается в память и погружает героя в мир ирреального.

Как я вскочил на его подножку,

Было загадкой для меня

В воздухе огненную дорожку

Он оставлял и при свете дня

Очевидно, что и здесь сознание героя переходит в иную реальность. Жизнь его превращается в тайну, которую он пытается постичь умом.

В третьей строфе лирический герой понимает, что трамвай, мчащийся «бурей тёмной, крылатой», заблудился «в бездне времён», и пытается остановить вагон, обращаясь к вагоновожатому, но тот его не слышит.

Мчался он бурей темной, крылатой,

Он заблудился в бездне времен...

Остановите, вагоновожатый,

Остановите сейчас вагон

Образ бури роднит душу героя с обреченностью. И заполняет тревожное чувство неизбежной катастрофы не только реальное пространство, но и прошлые жизни лирического героя. Идет переплетение времен, где лирический герой уже потерял свою путеводную звезду, где сознание его бессильно, и вагоновожатый по сути – это разум героя, который не внемлет ему.

Внимание к хронотопу обусловлено тем, что автор раскрывает его в этой строфе контрастным, он внезапно и страшно меняется: только что трамвай был на улице, пусть и незнакомой – и вдруг он уже мчится «бурей тёмной, крылатой». Главное, ключевое здесь – что он «заблудился в бездне времён». Внутреннее «Я» героя оказывается на перепутье эпох. Довольно метафорично раскрывается растворение души в бездне времен.

Следует отметить, что в четвертой строфе путешествие напоминает сновидение, где одно

пространство внезапно сменяется другим. Крупными кадрами всплывают «стена», «роща пальм», «Нева, Нил, Сена»

Поздно. Уж мы обогнули стену,

Мы проскочили сквозь рощу пальм,

Через Неву, через Нил и Сену

Мы прогремели по трем мостам.

Движение трамвая сквозь «бездну времён» выглядит, как развёрнутое описание ослепительно яркого воспоминания всей жизни. Идет движение по колею, но идут резкие скачки пунктов. Врываются кадры рощи пальм, Невы, Нила и Сены. Заслуживает внимания образ воды. Не зря лирический герой совершает морское путешествие. Вода содержит в себе много тайн мироздания, которые сложно раскрыть. В сравнении с водой загадочна и душа, ведь коснувшись определенного ее дна, нам не раскрыть отдаленные ее уголки.

В пятой строфе возникает образ старика, умершего в Бейруте год назад.

И, промелькнув у оконной рамы,

Бросил нам вслед пытливый взгляд

Нищий старик, — конечно тот самый,

Что умер в Бейруте год назад

Морское путешествие лирического героя нарастает, когда он видит душу того старика с пытливым взглядом на жизнь. Следует отметить, что теперь трамвай посещают и сущности с потустороннего мира.

Плавное пространство сменяется другими кадрами. Трамвай теперь летит на вокзал. Морское пространство сменяется железнодорожным, близким трамваю и противоположным, так как трамвай мистический. Следует отметить, что в следующей строфе герой возвращается в реальность, он слышит удары сердца, оно стучит и наполняется тревогой, которая свойственна настоящему. Пространство плавно перетекает на железную дорогу, где и положено проходить трамваю.

Где я? Так томно и так тревожно

Сердце мое стучит в ответ:

Видишь вокзал, на котором можно

В Индию Духа купить билет?

Поэт помещает лирического героя внутрь трамвая – призрака и раскрывает его роковой путь. Некоторые видения отображают прошлое, а другие приходят из будущего.

И вот, после поисков себя, поисков смысла лирический герой задаётся вопросом: «Где я?» – и ему отвечает его собственное сердце – «сердце» в библейском смысле, сущность человека, голос его души. Сердце говорит о стремлении к «Индии Духа» – то есть к духовной реальности, к духовной реализации. Поражает полифония текста: все звуки нагнетают ощущение беспокойства, тревоги, почти паники: «мы прогремели», «сердце мое стучит».

Вывеска... кровью налитые буквы

Гласят — зеленая, — знаю, тут

Вместо капусты и вместо брюквы

Мертвые головы продают

Лирический герой вошел в азартную игру жизни. Теперь расширяется пространство, где отходят в потусторонний мир души. Мертвые головы овеществляются. Автор проводит аналогию с капустой и брюквой. Через продажу «мертвых голов» предчувствуется моральная опустошенность людей.

В красной рубашке, с лицом, как вымя,

Голову срезал палач и мне,

Она лежала вместе с другими

Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

Красный цвет предрекает герою опасность. Пророчество достигает своего апогея, когда палач срезает голову герою. Но смерть эта лишь переход в иную реальность. Герой не испытывает боли и страданий. Автор уникально придает насыщенность смерти через отрезанную голову на самом дне скользкого ящика.

А в переулке забор дощатый,

Дом в три окна и серый газон...

Остановите, вагоновожатый,

Остановите сейчас вагон!

Видение героя трансформируется в жизнь. Раскрывается образ дома, который символизирует пристанище героя. Не зря указаны три окна. Под цифрой три чувствуется библейский посыл, который вселяет надежду, что бог рядом и жизнь героя теперь в его руках.

Машенька, ты здесь жила и пела,

Мне, жениху, ковер ткала,

Где же теперь твой голос и тело,

Может ли быть, что ты умерла?

Образ Машеньки совмещает в себе прошлое, которое осталось в памяти героя светлым воспоминанием, и оно вечно. Вероятно автор в ее образе раскрывает Родину, которая раньше жила по ходу движения трамвая, радовалась жизни и пела от счастья.

Понял теперь я: наша свобода

Только оттуда бьющий свет,

Люди и тени стоят у входа

В зоологический сад планет.

Ключевое в строфе про «зоологический сад планет», конечно, – «наша свобода — / Только оттуда бьющий свет». Трамвай вывез лирического героя за пределы земной жизни. А у входа в космический сад стоят «люди и тени» – живые и мёртвые. Впрочем, в этом отрывке смерть понимается не как прекращение жизни, а как выход туда, где возможна настоящая свобода.

Но все же лирический герой по-прежнему жаждет активного действия, он тоскует по «знакомому и сладкому ветру» странствий, он, как и раньше, готов принять бой. Действие плавно переносится в Петербург 18 века. Характер лирического героя можно раскрыть через образ Всадника. Его душа не бежит от него, а наоборот радуется, торжествует. Гибель

для него была бы сладка, поэтому и появляется «сладкий ветер» .

И сразу ветер знакомый и сладкий

И за мостом летит на меня

Всадника длань в железной перчатке

И два копыта его коня.

Проходит сквозь все стихотворение ключевой образ заблудившегося сознания. В завершающей строфе мотив тьмы, в которой заблудилась душа, достигает апогея:

И все ж навеки сердце угрюмо,

И трудно дышать, и больно жить...

Машенька, я никогда не думал,

Что можно так любить и грустить!

Заслуживают внимания строки Машенька, я никогда не думал,

Что можно так **любить и грустить ...**

Герой достигает пика озарения. Внезапно он говорит, что ни в одной из прежних жизней он не осознавал силу любви, что любовь может быть такой исключительной. Таким образом итогом и обретением видения оказывается любовь.

Сердце героя не просто «угрюмо», а «навек... угрюмо». Как жить дальше, когда «и трудно дышать, и больно жить». Но именно эта боль подтверждает, что душа живет, она еще способна «любить и грустить». Значит есть еще кому остановить вагон, есть кому встретить всадника с дланью «в железной перчатке» и отслужить молебн.

Так, заблудившийся трамвай - символ жизни, сошедшей с накатанной колеи, вагоновожатый – не то палач, не то бесплотный призрак – представитель мёртвого мира, Медный всадник – символ русской истории, Исаакиевский собор – символ веры и православия.

В итоге можно сделать вывод, что XX век - это время, когда человек отвлекся от своего быта и увидел небо, где блещут недоступные ему звезды. И Гумилев увидел свое место, а именно,

место одинокого костра в море бесконечного мрака.

Литература

1. "Самый непрочитанный поэт": Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилеве // Новый мир. 1990. № 5. С. 221.
2. Гумилев Н.С. Собр. соч. Т. 1. С. 220.
3. Лукницкая В. Николай Гумилев. С. 13